

Орфография и фонетика Юрия Крижанича

Juraj Križanić's Orthography and Phonetics

Михаил Владимирович Ослон

Институт славяноведения РАН, Москва

Mikhail V. Oslon

Institute for Slavic Studies of
the Russian Academy of Sciences,
Moscow

Abstract

The article presents an attempt to reconstruct the phonetics (phonology) of the dialect spoken by Juraj Križanić, based on the various orthographic elements used in his texts.

Key words

Juraj Križanić, Serbocroatian, Čakavian, history of Serbocroatian

Тексты Юрия Крижанича,¹ основанные на его чакавско-кайкавском диалекте XVII в., активно привлекались для реконструкции праславянского ударения [Дыбо 1968], так как отражённая в них акцентная система показывает ряд весьма архаичных черт. Собственно просодические черты (тоны, тональные чередования) этого диалекта описаны в работе [OSLON 2012]. Однако сегментная фонетика его диалекта,

¹ "Исказание" [ГИ], "Объяснение" [ОВ], "Политика" [Пол.] (изданная часть). Цитаты в тексте этой статьи приводятся с отсылками к соответствующим сочинениям. Однако в таблицах примеры даются без отсылок, так как они призваны лишь иллюстрировать обоснованные в тексте положения и, как правило, представляют наиболее типичные написания, попадающиеся во многих местах. Впрочем, все они взяты из созданного нами автоматического конкорданса текстов Крижанича, который вскоре будет доступен всем желающим в Интернете (пока что для ознакомления с ним необходимо связаться с автором по электронной почте).

не раз подвергавшаяся изучению, до сих пор однозначно не восстановлена. Существующие работы о языке Крижанича [HRASTE 1963, HEANEY 1975, PEĆO 1981, VORÚS 1983, MOGUŠ 1986, TEŽAK 1990, VOŇĆINA 1990] рассматривают различные общие вопросы — например, его диалектной принадлежности (не всегда удачно), но фонетика в них освещается лишь в общих чертах. Ниже даётся по возможности полное синхронное описание фонемного состава диалекта, реконструируемого по текстам Крижанича,² причём основное внимание уделяется ранее непрояснённым моментам.

1. Фонетическое толкование орфографии

Несмотря на сложность и частичную взаимонесовместимость правописания разных текстов, большинство вопросов снимается при попытке единой реконструкции. Правописание Крижанича основано на фонетике его родного старохорватского³ говора. Однако, стремясь максимально обобщить фонетические особенности важных для него славянских диалектов, “повысить в ранге” одни особенности и “снять” другие, он прибегает к определённым искажениям, порой затемняющим картину (о грамматической полемике Крижанича см. [Запольская 2003: 102]). Поэтому может сложиться впечатление неоднородности, смешанности его фонетической системы. Но, опираясь, с одной стороны, на замечания самого Крижанича, а с другой, на особенности и распределение его написаний, можно прийти к реконструкции единой системы.

Собственно реконструкцией мы здесь называем возведение разных написаний к единому прототипу (условно принимаемому в качестве фонетической транскрипции). В случаях же, когда в различных написаниях одной и той же фонологической единицы нет различий, к реконструкции прибегать не нужно, так как тогда воссоздание произно-

² Настоящая статья не ставит перед собой цели отождествления говора Крижанича с какими-либо современными говорами в его родном регионе. Эта задача уже многократно решалась (ср. приведённый список работ). Здесь мы пытаемся провести строго внутреннюю реконструкцию, избегая соблазна предвзятого толкования фиксируемых его текстами фактов. Кажется, существующие работы на эту тему как раз этим и грешат. При подходе, принимаемом в настоящей работе, естественно, возникает риск принятия искусственных орфографических приёмов за фонетические черты живого говора Крижанича. Однако обратная ошибка ничем не менее опасна. Только систематический анализ орфографии как целостной системы, доселе толком не проведённый, позволит выявить все закономерности и, наоборот, нестыковки в принятых Крижаничем орфографических решениях, после чего уже можно будет говорить о разнодиалектных (или чисто книжных) элементах в его текстах. В противном случае такие заключения обречены на сугубую умозрительность.

³ Мы умышленно применяем слово “старохорватский”, имея в виду любой кайкавский или чакавский говор известной давности. Предки этих говоров в период раннего средневековья мы назвали бы “древнехорватскими”.

шения тривиально. В орфографии Крижанича выделяются несколько основных систем.⁴

Церковнославянское, “преводническое” написание. Его Крижанич применяет исключительно в цитатах из письменных церковных текстов, подлежащих исправлению. Используются лишние “непотребни” буквы (ять, юсы и т.д.). Правописание часто непоследовательно и включает в разной степени элементы из других перечисленных здесь орфографических систем. Важно иметь в виду, что написанные в этой орфографии слова не обязательно соответствуют какому-либо произношению, так как чтение лишних букв относилось к разным традициям и сам Крижанич не всегда понимал, как их произносить. Эта система не отражает живой фонетики. Она напрямую не привлекается для нашей фонетической реконструкции, но иногда, вместе с комментариями Крижанича, может косвенно способствовать более глубокому пониманию его взглядов на славянскую фонетику в разных её вариантах.

Русское написание (в “Исказании” и реже в “Объяснении”) используется для примеров “русской отмины”, часто, но не всегда одобряемых Крижаничем. В большинстве случаев оно, видимо, отражает не столько народный русский язык, с которым Крижанич сталкивался, живя в России (который он называл скорее “белорусским”), сколько какое-то русское церковное произношение (т.е. русский церковнославянский язык), в котором, судя по всему, наряду с русским произношением преобладало неполногласие, оканье и другие церковнославянские элементы. Эта система не отличается последовательностью. Некоторые её особенности, возможно, частично связаны с произносительной спецификой говора тех, от кого он её воспринял.⁵ С другой стороны, она, возможно, отражает какие-то особенности русских церковных текстов. Из этой системы тоже можно извлечь кое-какие полезные сведения касательно фонетики родного старохорватского говора Крижанича.

Хорватское написание. Крижанич прибегает к нему, приводя примеры из своего родного диалекта. Эту систему, несмотря на её неполное единообразие, можно считать в большой степени фонетической. Она, с некоторыми оговорками, представляет собой транскрипцию описываемого в данной работе родного говора Крижанича. Именно на неё мы опираемся, восстанавливая его произношение, которое, несомненно, легло в основу “общей” системы.

⁴ Здесь важно выделить основные структурные, систематически разработанные Крижаничем орфографические системы, анализ которых может внести вклад в реконструкцию.

⁵ Имеется в виду, в частности, отказ от буквы ‘ы’, фонологическую оправданность которой он отрицает. При этом он последовательно применяет её в “белорусских” примерах.

Общее написание применяется самим Крижаничем в его текстах, в авторской речи. Эта система лишь косвенно отражает его произношение, так как создана им в качестве наддиалектного письменного языка для всех славян. Она выступает в нескольких вариантах, каждый из которых используется в соответствующем произведении. Несмотря на множество нестыковок и разночтений между отдельными вариантами, они отличаются относительным постоянством в пределах каждого отдельно взятого произведения и сводимы к единой системе. Кроме чисто фонетических искажений, здесь надо считаться с морфологическими приёмами, отдаляющими “общее” написание от родного говора Крижанича.

Кроме того, иногда Крижанич приводит примеры из других славянских диалектов (в “Исказании” и “Объяснении”), как то: польские (“лешска отмина”), почти всегда сопровождаемые резкой критикой, и сербские — для иллюстрации отличий “сербской отмины” (по-видимому, имеется в виду штокавское наречие) от “хорватской”.

Набор фонем и их качество устанавливается по “хорватским” примерам и замечаниям Крижанича. Больше всего ценных сведений содержится в “Объяснении”, где он описывает фонетику различных славянских диалектов.

2. Согласные

2.1. Фонемы *b, p, d, t, g, k, v, f, z, s, c, r, l, m, n* на письме отображаются тривиальным образом. Этим фонемам всегда соответствует по одной графеме (написанной, соответственно, кириллицей или латиницей). Другие тривиальные случаи, не требующие разъяснений, показаны в табл. 1.

Таблица 1

	“Исказание”		“Объяснение”		“Политика”	
š	ш	наши	ш	наши	sz	nászi
ž	ж	может	ж	может	ž	móžet
č	ч	најначе	ч	наче	cz	pácze
ć	щ	хощеш	щ	хощеш	ć	chócesz
h	х	хервѣтѹ	х	хервѣт	ch	cherwatí
ḷ	ль	льубет	ль	льудем	ly	lyûdem
ŋ	нь	ньејѣ	нь	ньеѣ	ny	nyeé

По поводу фонетической реализации /ć/ можно сказать следующее. Букву щ Крижанич “транскрибирует” по-разному для разных диалек-

тов, ср. слово *нѡцѣ*: “русские” говорят *нѡшч*, “сербы” *нѡть*, а “хорваты” *нѡчь* [ОВ: 44°]. Правильным признается последнее произношение (в нашей транскрипции *с̣*). Из этого следует, что под “русским” вариантом подразумевается церковное произношение с твёрдым *ш[ч]* (а не со звуком, подобным современному рус. *ч*, ср. современное церковное *но[ш'ч]*), так как в составе “русского” *шч* выступает именно твердое *ч*. Кроме того, можно заключить, что известное Крижаничу штокавское произношение этого звука было мягче, чем его собственное, которое фонетически можно себе представить как [*č̣*].

2.2. На первый взгляд, единственными “фонематическими” кириллическими диграфами, отражающими фонемы восстанавливаемого произношения Крижанича, являются *ль* и *нь*, передающие соответственно /*ḷ*/и/*ɲ*/.

Имеется, однако, одна трудность. В “Объяснении” перечисляются согласные одной из двух групп по классификации Крижанича (“шумници” и “тончици”): “*Ј тих Шѡмницъ јест ѡсем: ж, ч, ш, щ, ъ, ль, нь, дь*” [ОВ: 6], а в “Исказании” сказано: “*Шѡмницъ јест ѡсем: прѡсто пѣсани јесут, четѣри, Ж, Ч, Ш, Щ: а складенѣ зъ јѣром четѣриже, Ль, Нь, Дь, Ть*” [ГИ: 10]. Отличие, как мы видим, в отсутствии во втором списке звука *ь* [*j*] и включение *ть*, притом что *дь* присутствует в обоих списках.

Непонятно, что означают в этом контексте диграфы *дь* и *ть*. Их произношение нигде специально не объясняется, и они, по замыслу Крижанича, видимо, не должны были войти в состав фонем описываемого им языка. Диграф *ть*, однако, применяется при передаче “сербского” произношения, ср. *нѡть*, что противопоставляется “хорватскому” *нѡчь*. Таким образом, *ть* и *чь* являются исключительно “фонетическими” знаками для передачи, в частности, иноязычного (инодиалектного) произношения. Точно так же используется и знак *джь*, для передачи польского произношения, ср. “*Лѣхи изрикајут [...] Прѣдѣжъ, Сѣдѣжъ, [...] за Прѣдѣ, Сѣди*” [ГИ: 157]. Из того, что Крижанич здесь прибегает к *джь*, а не к *дь*, следует, по-видимому, заключить, что в польском звуке он слышит согласный, парный звуку *чь*, а не *ть*, а значит, это, скорее всего, что-то вроде [*ɟ̣*] (т.е. как в современном литературном польском, без “следзикования”). Значит, *дь* должно быть ещё мягче. С другой стороны, этот же (?) польский звук изображается и с помощью *дь*, ср.: “*Лѣхи, и нѣхъ смотрѣщъ Билорѡсѣани, ошумльајут на конѣу*» в таких примерах, как *мѣлость, жѣлость, Пѣдь*, и в середине слов: “*Велѣтъже премѣрко: Јмать Ведѣть, Вѡдѣть: Јмутъ, Ведѣтъ, Вѡдатъ: Ёсть, Суть. Јвъ неокѡнчаном нѣчѣну: Јмѣтъ, Вѣсть, Вѡдѣтъ, Хѡдѣтъ: и сѣце во всѣхъ рѣчѣнахъ*” [ГИ: 158]. Итак, фонетическая реализация *дь* неизвестна.

Нет ни одного примера с диграфом *ть* вне чисто фонетической функции (т.е. такого примера, который можно было бы отнести к говору Кри-

жанича). В отличие от него, диграф *дь* попадает в нескольких случаях в “общем” правописании как вариант *дж*, ср. “*Виджене или Видьене*” и “*Сиджѣне и Сидьѣне*” (как имена действия к соответствующим глаголам), а также “*Виджена бѣша, или Видьена бѣша*” (вместо подлежащего исправлению “*Видьна бѣша*” из псалма) [ГИ: 109].⁶ Кроме того, Крижанич специально объясняет в разделе о чередовании, во что *д* переходит у разных славян: “*Хбьдене: по Задунѣску. | Хбжене: по Руску. | Хбждене: по Превѣдническу | Хбжене: по Јсправльеньу*” [ОВ: 44]. Значит, здесь *дь* может, в принципе, передавать какой-то звук в диалекте Крижанича (но необязательно в его родном говоре), тем более что нестабильность его изображения в “общем” правописании (в отличие от *ц*) может указывать на его заимствованный характер.

Во всех остальных словах с сочетаниями букв *т* и *д* с мягким знаком Крижанич специально оговаривает, что они произносятся раздельно, не сливаясь в один звук, для обозначения чего он вводит разделительный знак, ср. *трѣтъи* [ОВ: 25], *жѣтъи* [ГИ: 36], *брѣтъи, господѣи* [ГИ: 37], *лѣдѣи* [ОВ: 14]. Такие сочетания мы восстанавливаем как *-tji, -dji*.⁷

Забота о раздельном (твёрдом) произношении букв *т* и *д* в сочетании с мягким знаком может свидетельствовать об одном из двух: или что Крижанич таким образом борется со однофонемным произношением данных сочетаний, свойственным другим диалектам (например, шток. /*lađi*/, /*braći*/), но чуждым его говору, или что такое произношение встречается в его говоре, но в других словах.⁸ Из таких слов мы имеем только несколько примеров типа *видьене, видьена, сидьѣне* (как уже было сказано, на *ть* таких примеров нет). Возможно, что это лишь графический приём, к которому он прибег во избежание затемнения глагольной основы (т. е. чтобы не писать **виѣне*). Как бы то ни было, нет оснований реконструировать особую фонему, обозначаемую в этих немногочисленных примерах диграфом *дь* (который, кажется, всё-таки не отражает звук, подобный /*đ*/, услышанный Крижаничем от поляков).

⁶ Кроме того, есть еще два примера, ср. “*А ова наслидујуца јесу кмѣтка [...] стѣдъ чѣдъ*” [ГИ: 44]. Эти слова явно русские (как и другие в этом списке), так что мягкий знак здесь играет чисто орфографическую роль, в отличие от примера *лѣдѣ * /lađj/*, что “*претвѣрдо бо би бѣло изреѣ*” вместо “общего” *лѣдѣ* и “хорватского” *лѣдаѣ* (от *лѣда*) [там же].

⁷ Если это не морфологическое искажение ради сохранения единого вида основы или чисто книжный приём.

⁸ Амир Капетанович [письменное сообщение] указывает, что “хотя условия были созданы для реализации этой послепраславянской йотации во многих хорватских говорах в XI–XIV вв., в этих позициях *дь* (*d+j*) и *ть* (*t+j*) не сливаются в одну фонему во многих литературных текстах до XVII–XVIII вв.” В нашей внутренней реконструкции это соображение может рассматриваться лишь как одна из возможностей.

Дело ещё осложняется тем, что Крижанич специально перечисляет согласные, “съ ко́ими се мо́жет ,ь, въ шу́мен гла́с сли́жат” [ОВ: 14°], и, как ни странно, это не только *л, н, т, д*, но ещё и *з, с, ч, щ*. Скорее всего это говорит о том, что в его говоре (или близких ему говорах) перед /i/ после этих согласных мог выпадать /j/, против чего он предостерегает с помощью разделительного знака, ср. *облѣчѣи* [ГИ: 37], *овѣщѣи* [ГИ: 150], *нѣсѣи* [ГИ: 68]. Этот же разделительный знак он рекомендует писать перед *и* и после остальных согласных, “съ коими се ,ь, несли́вает въ шу́мен гла́с [...] ради́ сли́чности; jedнѣко́сти” [ОВ: 14°], ср. *обѣид* [ГИ: 42], *бѣжѣи, дѣвѣи* [ГИ: 47] и др. Он не нужен перед другими гласными, так как тогда пишется буква *ј*, ср. *лѣдја* (см. далее).

2.3. Фонема /j/ < *j передается разнообразно. Различия между написаниями — позиционные. В “общем” правописании она выглядит так (см. табл. 2). Не вдаваясь в подробности по поводу разнообразных приёмов для передачи /j/, используемых в разных текстах, имеет смысл обратить внимание на разные положения букв *ј* и *ь*. В “Исказании” буква *ь* пишется на конце слов и перед *и*, но не перед другими гласными. Это наводит на мысль, что, возможно, так Крижанич изображал какие-то позиционные варианты или подстраивался под русское произношение (ср. в русском *мо[ја]*, но *мо[у]*, а также *[ju]х* при более частом *[u]х*). В “Объяснении” же в некоторых сочетаниях пишутся две гласные подряд, ср. *ко́ее*, что сам Крижанич объясняет: “*понъеже на Рѹси нѣшем*” [ОВ: 17°].

Таблица 2

	“Исказание”		“Объяснение”		“Политика”		
<i>j < *j</i>	<i>ј</i>	<i>јаџци</i>	<i>ј</i>	<i>јаџѣ</i>	<i>i</i>	<i>iâica</i>	
		<i>ли́стје</i>		<i>ли́стје</i>		<i>lîstie</i>	
	<i>ь</i>	<i>моја́</i>	-	<i>ко́ее</i>	<i>у</i>	<i>mojá</i>	<i>kóee</i>
		<i>ко́еје</i>		<i>ко́им</i>		<i>kóyim</i>	
	<i>ко́ым</i>	<i>ь</i>	<i>вѣ́ликоь</i>		<i>móу</i>		
	<i>мо́ь</i>		<i>ру́скиь</i>	<i>ру́скиь</i>	<i>rúskiy</i>		
	<i>ру́скиь</i>		<i>ьѣ́ствина</i>		<i>yidêniu</i>		
	<i>ьѣ́ствина</i>						

2.4. Эта же фонема /j/ < *dj реконструируется только на основании нескольких “хорватских” примеров, ср. в “Исказании”: *ту́ь, туьѣна*,

ьѣь (императив от ѣисти), меу (предлог),⁹ ерѣа и ерѣав, заерѣавил [ГИ: 141], и в “Объяснении” (в скобках приводим данное тут же “общее” написание): *Глѣом (Глѣдшеу*¹⁰), *Прѣом (Прѣжеу)*, *Туѣом (Чѣжеу*¹⁰) [ОВ: 16]. Буквой ѣ в последних примерах Крижанич обозначает особое происхождение этого звука: в примерах с $j < *j$ в том же контексте пишется j , ср. *змѣјом*.¹¹

Он приводит слово *госпѣжа* [ГИ: 26] с явно русским рефлексом, но тут же даёт стяженную его форму *госпѣ*, которая могла возникнуть только из формы с $-j$, что косвенно подтверждает первичность именно такого рефлекса.

В “общем” же правописании последовательно применяются другие рефлексы $*dj$ (см. табл. 3). Тут наблюдаются колебания, что естественно при умышленном искажении фонетики собственно говора. Так, один раз приводится *рѣдѣжъ* [ГИ: 64] при однократном же *рѣдѣж* [ГИ: 47] (в говоре Крижанича должно было бы быть $*rij$). Ясно, что фонема $[d\tilde{z}]$ или $[d]$ для говора Крижанича не восстанавливается, хотя слова, заимствованные из других языков, он должен был, несомненно, произносить именно с ней.

Таблица 3

	“Исказание”		“Объяснение”		“Политика”	
$j < *dj$	<i>ж</i>	<i>ерѣа*</i>	<i>ж</i>	<i>разсѣуженѣ</i>	<i>ž</i>	<i>razsužènia</i>
	<i>жд</i>	<i>разсѣуждѣнѣ</i>				
	<i>дж</i>	<i>уродѣжѣну</i> <i>зѣдѣжѣм</i>			<i>dž</i>	<i>zìdžut**</i>

* Только в этом и однокоренных словах, ср. *ерѣавѣјем* [ГИ: 255].

** В «Политике» такая передача только в формах этого слова.

2.5. Имеются два особых двухфонемных сочетания (см. табл. 4).

Сочетание $/\check{z}c/ < *skj$, $*stj$, которое он транскрибирует как *шчъ* [ОВ: 45°], очевидно, было таким же, как в современных “шчакавских”

⁹ Ср. объяснение Крижанича: “*Мед, или Медѣу, или Медѣжу, или Меу: нѣ Между. Руски: Меж, Межу, Промеж, Промежу. Прѣст и коренѣчньи предлѣжокъ жѣст Мед: кѣй, Мед лѣудмѣ, Мед нѣми, Мед нѣми. Сѣце говорѣт Хервати. А от ѣмѣна Медѣжѣ, велѣм Медѣжу*” [ГИ: 199]. Отсюда следует, что Крижанич (1) не одобряет рефлекса $[žd]$. (2) различает разные южнославянские рефлексы: $[d\tilde{z}]$ (*дж*), $[d]$ (*дѣжъ*) и что-то вроде $[d]$ (*дѣ*) и (3) предпочитает *дж* для “общей” орфографии (так во всём “Исказании”).

¹⁰ С морфологическим искажением.

¹¹ А. Пецо приводит “*На јѣрѣв дѣн*” из “Исказания” [Пецо 1981: 161] как иллюстрацию перехода $*dj$ в j . Этот пример ненадёжен, так как может быть русским, а не хорватским (при шток. *Бурѣведан*)

диалектах. Диграф *šč* в “Политике”, видимо, введён с целью экономии знаков (чтобы не писать *szč*).¹²

Таблица 4

	“Исказание”		“Объяснение”		“Политика”	
<i>šč</i>	<i>шщ</i>	<i>щщѣдриь напушщѣнѣ</i>	<i>шщ</i>	<i>щщѣдриь напушщѣнѣ</i>	<i>šč</i>	<i>ščédro nedopusčaiut</i>
<i>ž [-ʔ]</i>	<i>ждь</i>	<i>дѣждь дождьѣм</i>			<i>ždžy</i>	<i>doždžyú</i>
	<i>жджъ</i>	<i>дожджъѣт надѣжджъам дрѣжджъи брижджъѣм</i>				
	<i>зджъ</i>	<i>бризджъѣм</i>				
	<i>здж</i>	<i>[бри]зджем набрѣзджам отјѣзджам</i>			<i>zdž</i>	<i>prijezdžáli</i>

Что касается второго сочетания (видимо, с первой частью *ž-*, но в любом случае из **zgj, *zdj*), то здесь возникают большие трудности. В “Исказании” Крижанич пишет *дѣждь*, и неясно, что передаётся сочетанием *ждь* (чью вторую часть мы рассмотрели выше и не пришли к определённым выводам). Сочетание *ждь* встречается в единичных случаях, и к тому же только в этом слове и его производных (*дождьѣм*, но ср. также *дожджъѣт*). В “Политике” в этом слове фигурирует исключительно *ždžy*, ср. *doždžyú*, что может как-то соотноситься с русским произношением, но в отличие от парного глухого сочетания, которое мы для “русского” восстановили как твёрдое [*шч*], здесь скорее всего отражается мягкое [*ж’дж’*]¹³

Сочетание *жджъ* легче поддаётся интерпретации, если считать, что мы знаем, что передаёт *джъ* (/d/в “лешском” *прѣджъ*). Тем самым, это что-то вроде /žd/. Проблема в том, что в нашей реконструкции

¹² Впрочем, и в “Исказании” имеются написания через *шщ*, ср. “*жскѣм, жскѣъ: [шщем, шщѣу]*» [ГИ: 92] (иллюстрация чередования). Тут, однако, нет сомнений, что буква с оставлена в чередовании либо по невниманию, либо для наглядности.

¹³ Ср. замечание Крижанича: “*Пѣздѣн, Позднѣиь, -нѣѣ, нѣ позджи, пѣздже*” [ГИ: 64], в котором он, очевидно, имеет в виду рус. *позже*. Впрочем, это может как раз означать, что в рус. *позже* согласные твёрдые, так как в написании Крижанича нет мягкого знака, но ввиду большой непоследовательности в его передаче этих звуков не стоит полагаться на такие детали.

нет отдельной фонемы / \dot{d} / . Сочетание *здж* (с мягким знаком или без), по-видимому, является вариантом предыдущих, ср. *брижджъйм*, *бризджъйм* и [бри]зджем.

Конечно, можно себе представить язык, в котором какой-либо звук (в данном случае / \dot{d} /) не выступает нигде, кроме конкретного контекста (здесь после \check{z}), или что некоторое сочетание двух звуков нечленимо на отдельные фонемы, а предстаёт как одно целое.¹⁴

Непонятно, как трактовать сочетание *дј* в примере: “*жѣдѣти: и Жѣдам, жѣдѣти*” [ГИ: 96]. Возможно, здесь то же, что в примерах типа *видъенје* (см. выше).

2.6. Итак, восстанавливается следующая система согласных (табл. 5).

Таблица 5

	взрыв- ные	фрика- тивные	аффри- каты	плавные		носо- вые
губные	<i>b</i>					<i>m</i>
	<i>p</i>					
губно-зубные		<i>v</i>				
		<i>f</i>				
зубные	<i>d</i>	<i>z</i>		<i>r</i>	<i>l</i>	<i>n</i>
	<i>t</i>	<i>s</i>		<i>c</i>		
альвеолярные		\check{s}	\check{c}			
		\check{z}	[?]			
нёбные		<i>j</i>	<i>ć</i>		<i>ʎ</i>	<i>ŋ</i>
задненёбные	<i>g</i>					
	<i>k</i>					

3. Гласные

3.1. Система гласных восстанавливается довольно однозначно (см. табл. 6). Для каждого из пяти гласных мы даём по четыре примера: долгий ударный, долгий безударный, краткий ударный и краткий безударный. Безударными мы здесь называем гласные в формах, в которых знак ударения (˘, ˙, ˘) стоит на иной гласной (о возможном наличии в системе редуцированного см. ниже).

¹⁴ Собственно, таков русский язык (в устаревшей его норме). Именно “фонема” /*ж’дѣс’*/ (теперь мало у кого из носителей) выступает только в одном сочетании, ср. *дожди*, *дрожжи*, *езжай* [ж’дѣс’] (если не считать позиционно озвончённого /*ч’*/ = [ч’] > [дѣс’]).

Таблица 6

/i/:	ĩ	д́им	ĩ	дрѣво
	i	мáлим	ī	п̄и́сцѹ

/u/:	ũ	дрѹго	ũ	дѹх
	u	рáзуму	ū	ѹзѹр

/e/:	ě	нѣбо	ě	свѣт
	e	превѹд	ē	глѣдѹ

/o/:	ò	óно	õ	бõг
	o	онá	ō	твѹрѹ

/a/:	ǎ	мáло	ǎ	глáс
	a	садá	ā	зāкѹн

Не вполне понятный орфографический приём используется для передачи начального /i/. Как правило, в начале слова вместо буквы *и* пишется *ј*. Крижанич это объясняет так: “гласнѹца *Ј*, да *И*, сѹт једнакосѹлни: и мѹгла би се п̄исат во всáком мѣстѣ, лѹбо ова, лѹбо она” [ОВ 12°]. Далее: “На почя́ткѣ, за гласнѹцу, всѣгда п̄иши *Ј*: буд въ грубѹцах; кáкот, Јвер, Јгрà, Јздà, Јкри, Јли, Јме, Јнако, Јстина, Јшчѹ: бѹд въ дробнѹцах; кáкот, Јвер, јгрà, јздà, јкри. Рáзвѣ што въ дробнѹцах сличнѣше чинѹтсе п̄исат *и* (*et*), да из (*ex*), неже *Ј*, да *Јз*: а въ грубѹцах слѹчно здáетсе *Ј*, да *Јз*: лѣплье неже *И*, да *Из*. Въ средѹнѣ, между двѣми негласнѹцами, мѹжетсе п̄исат *Ј*; али сличнѣше јест *И*; кáкот, Прáвѹло, Прáвило. А на концѣ весмá непригѹже јест *Ј*; *и* трѣба п̄исат *И*; кáкот, Јзишѹ, Јзбѹти, Јзпѹти”.

Как мы видим, Крижанич как будто руководствуется чисто эстетическими соображениями. С другой стороны, представляется странным, что он, борясь с традицией использования “лишних” букв и призывая к упрощению орфографии, допускает в этом случае такой произвольный выбор. Можно предположить, что это имело какой-то более глубокий смысл, нежели лишь внешний вид письма. Возможно, что использование йота (который во всех остальных случаях передаёт согласный звук, см. выше) в начале слова связано с желанием Крижанича учесть и такие славянские диалекты, где приведённые слова начинаются с [j-]. Это вполне может быть, например, чешский язык (ср. чеш. *jítati*, *jínŭ*, *jmeno*, но союз *i*).¹⁵ На его собственное произношение /i/ выбор буквы никак не влияет.

3.3. Важно определить, в каких случаях правописание Крижанича искажает его произношение.

Гласный, восходящий к праславянским или вставным ерам (сверхкратким), изображается по-разному. Объясняя беглые гласные, Крижанич даёт правило, согласно которому в последнем слоге слова мужского

15 Ср. “Овá по Чѣшску изхѹдет на НО: Ово Јмено, Плѣмено” [ГИ: 32].

рода с беглым гласным (в именительном падеже) может стоять только краткий /a/¹⁶.

Действительно, большинство “хорватских” примеров с проясненными ерами выступают именно с буквой *a*:

им.ед. (в корне): *огань, лăкат, нѳхат, лапѳт, папѳр, сѳн* (род. *снѳ*),
нѳрав;¹⁷

им.ед. (в суффиксе¹⁸): *врѳбац, јездѳц, отѳц, јѳрак, сѳчан, лѳубав*;
твор. и мест. мн.: *ночѳм, мѳтерам, щерѳм, ночѳх, мѳтерах, щерѳх*;
род. мн.: *зѳнак, мѳрак, служѳб, лѳдаѳ, устан, петѳль, брѳтав, сестѳр*;
глаголы: *јесѳм, сѳм, мѳнем (мнѳм), тѳрем (трѳм), јѳти, јѳмиши,*

лѳжем, тѳкнем, гѳнем, сѳхнем, дѳхнем, сѳсѳти;

местоимения: *сѳь, тѳь, чѳь*;

предлоги/приставки: *вѳзѳм*.¹⁹

При этом есть как минимум одна морфологическая позиция, где вместо ожидаемого *a* представлено только *e*: это атематическое *l*-причастие со вставным ером, ср. *рѳкел, нѳсел, сѳкел*. Здесь можно заметить следующее.

В “русских” примерах типа “*Русјани велѳт: Ја рѳкел, ти рѳкел*” [ГИ: 169] скорее всего отображается русская церковная форма *рекль*²⁰ (а не *рекь* с потерей *-л*), которая в произношении русских должна была звучать для Крижанича как [rѳkѳl] (как и нынешнее рус.ц.-слав. [r'ѳkѳl]). Точно так же Крижанич пишет хорватскую форму *рѳкел* (и никак иначе), из чего можно сделать вывод, что конечное *-ел* в подобных формах обозначает фонологически слоговое /l/ с призвуком типа [ѳ], как в русском.²¹ Важно, что тут же он приводит “сербское” произношение: “*Хервѳти бо велѳт; Рѳкел сем, рѳкел си [...] Сѳрбљани тѳж: Рѳкао сам, рѳкао си*” [ГИ: 169], где налицо другая передача гласного, восходящего к вставному еру. Кроме того, в “лешских” примерах Крижанич пишет “*твѳрдо и неизрѳчно, Грѳбл [...] Тѳлкл, Рѳкл*” [ГИ: 105], откуда следует, что его произношение,

¹⁶ Ср. “*нѳ въ јноѳ, неже въ Хервѳтскоѳ језѳчноѳ отмиѳне, мѳжетсе подѳт прѳвило. Произвѳдни бо прѳгиби јесут равнѳскѳдѳни со јменѳикѳм, гдикѳбли (:по Хервѳтскоѳ отмиѳне:) въ послѳдѳнем скѳлѳду јменѳикѳвом, стѳѳѳт гласѳнѳца А, не прѳтѳгѳнѳна висѳким вѳлѳком: кѳѳ, Вѳтал, Пѳвал, бѳбань, огѳнь, врѳбац, отѳц, остѳн: Вѳтла, Пѳвѳла, бѳбѳнѳ, огѳнѳ, врѳбѳца, отѳцѳ, остѳнѳ. Сѳѳце, овѳн, овѳнѳ: лапѳт, лапѳтѳ: папѳрѳ, папѳрѳѳ: сѳн, снѳ*” [ГИ: 17].

¹⁷ Здесь вставной ер, как в совр. *лѳрав*.

¹⁸ Мы называем это суффиксом условно.

¹⁹ Второй гласный тоже из ера, ср. совр. *вѳзѳт*.

²⁰ Если верно наше предположение о фонетичности этого (“русского”) правописания.

²¹ Таким образом, выбранное Крижаничем для авторской речи написание *рѳкел* вовсе не обязательно говорит о кайкавском влиянии.

как “хорватское”, так и “русское” отличалось наличием призвука, причём, видимо, не [a], как в штокавском, иначе бы он не стал писать *a* в “сербских” примерах. Из этого может следовать, что буква *e* могла передавать фонетически редуцированный гласный [ə].

Возможно, есть ещё одна такая позиция: “*А Хервѣтѣ би рѣкли на ЕЦ: Песковец, Краковец, Кѣжевец, Дубовец*” [ГИ: 59]. Неясно, что здесь имеется в виду: фонетический облик суффикса или чисто морфологический (т. е. в “общей” орфографии).

Что касается вокализации слогового *l*, у Крижанича имеется один случай, где в этой позиции выступает *o*: глагол *прибнем, прибням* [ГИ: 223], по-видимому, из **priln-* < **prilьn-*. Вероятно, это заимствование из штокавского.

В некоторых случаях Крижанич как будто колеблется между *a* и *e*. Исправляя неправильные формы (ср. “*ино претвѣрдо и неизправно се пѣшет и говѣрит*” [ОВ: 46]), он вместо формы *мгла* даёт *мегла* и *магла* [там же]. Это, очевидно, происходит, когда в русском слове нет гласного и Крижанич в виде исключения приводит сербохорватскую форму спряснившимся ером в виде /a/. Однако при “неисправном” *мзда* даётся только *мездà*, как и при многих других [ОВ: 47], ср. ещё (при наличии гласного в русском) *хербат, хербѣт*, при “русской” форме *хербѣт*, где он как будто колеблется. Слово ‘мох’, где в русском (в именительном падеже) имеется гласная, он приводит в обоих вариантах: *мо̀х* и *мѐх*, но в косвенном падеже только *мѐха* (вместо нежелательного *му̀*).

Глагол-связка первого лица (со вставным ером) приводится так: “*Јѣсм скáзно: прáво Јесѣм. Херватскѣ Јесам, Сам*” [ГИ: 90]. Причём эта форма *сам* больше нигде не встречается, кроме “сербского” примера *рекао сам* [ГИ: 169]. Во всех остальных случаях (в том числе в “хорватских” примерах) она выступает исключительно как *сем*. По-видимому, немаловажно, что форма *сем* всегда безударна. Может быть, и тут есть какая-то редукция, благодаря которой Крижанич склоняется к такому написанию. Тогда, возможно, здесь буква *e* выступает в той же функции, что и в примерах типа *рѣкел* (т. е. [ə]).

Впрочем, часто, если приводятся “хорватские” или “сербские” формы, даже ударный прояснившийся сверхкраткий в них выглядит как русский, ср. “*Сѣрбско, момѡк*” [ГИ: 39]; так же в глагольных формах (ср. причастие, реконструируемое нами как *ẓ̌ṃši* < **ẓ̌ṃšī*): “*Жмѣм, Жмѣ: Жѣх [...] Жѣмиш, Жѣт, Жѣтје*” [ГИ: 99].

Однако там, где Крижаничу не удаётся уловить этимологической связи между разными рефлексамися еров (которые к тому же легко путаются с рефлексамися прасл. **ę*), в “хорватских” примерах он пишет *a*, ср. “*Херв. ЈАМЕМ, Јáму, Јѣх, Јехи, Јамѣ, Јѣти, Јѣт, Јѣл, Јáмиш, Јѣт, Јѣтје*” [ГИ: 99]

при “русском”: “*Рúски. Ёму: Jáх, Jáхи, Јмí, Јáти, Јáт, Јáл, Јêмши, Јáт, Јáтје*” [там же]. То же происходит в случаях, когда в русском соответствующий ер не проясняется, ср: “*Тáрем, Трèм*”, “*Мáнем, мнèм, Мнy*» [ГИ: 101]. Рефлекс /а/ изредка появляется и в других словах, ср. *dáski, dasòk* [Пол.: 54, 56, 57 и др.] (только так).

В “общем” правописании Крижанич разнообразно передаёт прояснённый ер, в зависимости от русских соответствий (см. табл. 7).

Таблица 7

	= рус.	“Исказание”	“Объяснение”	“Политика”	
а = /а/?	о	о <i>лòж почётòк льубòв лукòнце во торгòвец</i>	о <i>почя́ток во тергòвец</i>	о <i>lòž poczatòk lyubów lukònce wo torgówec</i>	
	е	е <i>сестёр лáдеь вèрен отèц</i>	е <i>сèстер отèц</i>	е <i>sestêr lâdey wèren otéc</i>	
	∅	о	о <i>цáрстòв брíтов тòкнем***</i>	о <i>цáрстòв</i>	о <i>cârstow brítow toknútse</i>
		е	е <i>служèб тèкнем* Пескòв мeглá</i>	е <i>Пескòв</i>	е <i>Pesków</i>
		ѣ	ѣ <i>вѣ</i>	ѣ <i>вѣ</i>	
	а = [а]?	[а]?	е <i>рèкел</i>	е <i>рèкел</i>	е <i>rékel</i>

* Тут же приводится *тáкнем*, а в другом месте ещё и *ткнèм*, что иллюстрирует колебания Крижанича в случае отсутствия гласного в русском.

Таким образом, не прибегая ко внешней реконструкции, мы можем лишь догадываться, как произносились гласные, восходящие к ерам, в примерах, данных только в “общей” орфографии. Так, например, у нас нет ни одного “хорватского” примера прилагательных с суффиксом *-ьн-. Поэтому в таких случаях мы условно восстанавливаем а. Но там,

где в примерах чередуются *a* и *e* или фигурирует только *a*, мы знаем, что это был звук *a* (т. е. *jātšī* на основании *jāмиш*, но *tānšī*, так как имеется только *mēнши*²²).

3.4. Отдельно стоит вопрос о сочетаниях, восходящих к праславянским сочетаниям еров с плавными (соответствующих слоговому *r* и *u < j* в штокавском и большинстве современных чакавских диалектов).

О слоговом *r* (в том числе в начале слова) Крижанич, пишет, что, в отличие от других славян, “хорваты” в этих случаях пишут²³ *er*, и даёт примеры, ср. *ервѐм*, *ѣрја*, *бѣрв*, *бѣрдо*, *бѣрз*, *вѣрба*, *кѣрв*, *тѣрнје* и др. Впрочем, “*Хервѣтѹ ѱнда изрикајут, зѣ гласнѹцеју А: кѹт Бѣрдо, Дарвѣ, Тѣрнје, и остѣлна: ѱнда без гласнѹци: кѹт, Бѣрдо, Дрвѣ, Тѣрнје: и все добро спадѣјет*” [ГИ: 142]. Вот как это выглядит в “общем” правописании (см. табл. 8).

Таблица 8

	= рус.	“Исказание”		“Объяснение”		“Политика”	
ар	-ер-	<i>er</i>	<i>смѣрт</i>	<i>er</i>	<i>смѣрт</i>	<i>er</i>	<i>smért</i>
	-ор-	<i>or</i>	<i>гѡрст</i>			<i>or</i>	<i>gôrst</i>
		<i>er</i>	<i>хервѣтѹ</i>	<i>ar</i>	<i>харвѣтѹ</i>	<i>er</i>	<i>cherwatí</i>
	-ре-	<i>er</i>	<i>хербѣт</i>			<i>er</i>	<i>cherbtí</i>
						<i>re</i>	<i>chrebét</i>
-ро-	<i>or</i>	<i>кѡрв</i>	<i>or</i>	<i>кѡрв</i>	<i>or</i>	<i>kôrw</i>	
р-	<i>r</i>	<i>рвѣм</i>			<i>r</i>	<i>rwát</i>	

Как мы видим, Крижанич в целом передаёт русское произношение, но не допускает, чтобы гласный был после плавного, ср. *кѡрв*. В таких случаях он заимствует русский гласный, но ставит его перед плавным (в “Политике” для рус. -ре- этот принцип иногда нарушается). Любопытно, что единственное слово (корень), для которого он отказывается принять русское произношение, — это ‘хорват’. Из этого следует, что качество призвука Крижаничу было не безразлично, а значит, призвук в его произношении был. Смириться с русским произношением *хорват* он явно не мог и, видимо, поэтому в “Объяснении” принял “компромиссное” написание *харвѣт* [ОВ: 47]. При этом в таблице, где даются рефлексy этого сочетания в разных языках [там же], Крижанич пишет в столбцах “русом”, “лехом” и “сербом” именно *харват*, хотя в “Исказании” “русская” форма приводится как *хорвѣт*, так

²² Впрочем, мы не уверены, что в этой форме нельзя восстановить *e*, т. е. *mēnšī*.

²³ Важно, что именно “пишут”. О произношении тут ничего не сказано (но сказано дальше).

что неясно, лукавит ли он в “Объяснении” или изображает русское аканье. Ещё один важный довод в пользу наличия чёткого призвука состоит в том, что именно над ним ставится знак долготы, ср. *gĕrdost*, *gōrdost*, *dĕrǰú* [ГИ: 107]. Это сочетание мы во всех случаях условно восстанавливаем как *ǝl*.

3.5. Со “слоговым” *l* положение проще. Крижанич приводит слова *болгáрин*, *болхà*, *вòлк*, *вòлна*, *мòлньа*, *ползúм*, *пòлт*, *сòлза* [ОВ: 48] и др. и объясняет, что хорваты их “*двојáкó изриkáмјут*” и даёт как вариант ещё *бугáрин*, *бухà*, *бúк*, *вúна*, *мúньа*, *пузúм*, *пúт*, *сúза* [ОВ: 48°]. В “общем” правописании он везде пишет *ол* (см. табл. 9).

Таблица 9

	= рус.	“Исказание” и “Объяснение”		“Политика”	
<i>ǝl</i>	-ол-	<i>ол</i>	<i>вòлк</i>	<i>ол</i>	<i>wòlk</i>
	-ле-		<i>сòлза</i>		<i>sólza</i>
	-ло-		<i>пòлт</i>		<i>pòlten</i>

Это сочетание мы во всех случаях условно восстанавливаем как *ǝl*.

Сочетания с обоими плавными просодически ведут себя как обычные гласные (см. табл. 10).

Таблица 10

/ǝr/ = [ǝr]?:				/ǝl/ = [ol] и [ul]?:			
<i>ǝr</i>	<i>сёрбин</i>	<i>ǝr</i>	<i>кòрв</i>	<i>ǝl</i>	<i>вòлна</i>	<i>ǝl</i>	<i>стòлп</i>
<i>ǝr</i>	<i>хервàт</i>	<i>ǝr</i>	<i>дĕрǰú</i>	<i>ǝl</i>	<i>болгáрин</i>	<i>ǝl</i>	<i>кòлнѣтсе</i>

3.6. Отдельную трудность представляет толкование материала Крижанича на предмет отнесения его к одному из двух основных типов чакавских диалектов: икавского и икавско-экавского. Единственное, что можно утверждать с уверенностью, — это что отсутствует особая фонема *ять*. Сам Крижанич объясняет: “*А Хервãтú [...] вь мисто Ъ, изриkáјут И, или Е. Тъло, Съно, Вѣра: велѣт Тило, Сѣно, Вѣра*” [ГИ: 156]. Скорее всего, родной говор Крижанича — икавско-экавский, но о распределении рефлексов *ятя* он ничего не сообщает. В “общем” правописании он прибегает к нескольким способам их изображения (см. табл. 11).

В “Объяснении” выступает почти исключительно буква *Ѣ*. Тут Крижанич руководствуется этимологическим принципом, хотя встречаются отдельные случаи колебания, ср. *сръдúнъ* [ОВ: 9°] и *средúнах* [ОВ: 14] (это

может означать, что в данном слове более “естественным” для Крижанича был рефлекс [e], который он употребил, забыв произвести “пересчёт”).

В “Политике” встречаются по крайней мере четыре написания: *i*, *e*, *ie*, *je*. Например, *wrete* встречается почти исключительно в экавском виде, правда, при *wrímena* (один раз) и *wrémena* (много). Распределение здесь непоследовательно. Следует, конечно, учитывать значительно большее русское влияние на язык “Политики” в сравнении с грамматическими текстами.

“Исказание” на первый взгляд довольно последовательно проводит икавицу. Встречаются примеры типа *vrémena* (им. мн., один раз) при *vrímena* (много раз), *sredúnaх* при *sridúnaх* (в “Объяснении” в последнем слове имеются колебания в употреблении ятя). Ряд слов пишется только с *e*: *pojém*, *nêх*, *nêти*, *nêл*, *nêнје* [ГИ: 98] (если это не заимствования) и т. д. с одним рефлексом, но тут же *péсен* и *núсен*, однако только *sêно* (как “хорватский” пример), *вѣнец*, *венчâm*.²⁴ Кое-где приводятся примеры с разной трактовкой ятя для иллюстрации наличия обоих рефлексов у “хорват”, ср.: “*Херв: На сриди. По сриди, По сриди*» [ГИ: 125].

По-видимому, наиболее последовательно распределение в авторском тексте “Исказания”. Установить его природу, однако, вряд ли возможно.

Таблица 11

	“Исказание”		“Объяснение”		“Политика”	
<i>e, i < *ě</i>	<i>e</i>	<i>sredúnaх</i> <i>nêти</i> <i>véра</i>	<i>e</i>	<i>sredúnaх</i> <i>вѣри</i>	<i>e</i>	<i>sredíne</i> <i>péсен</i> <i>télo</i> <i>liepá</i>
	<i>и</i>	<i>sridúnaх</i> <i>núсен</i> <i>врíме</i> <i>свít</i>	<i>ѣ</i>	<i>срѣдúnъ</i> <i>нѣсен</i> <i>врѣменъ</i> <i>свѣт</i>	<i>ie</i> <i>i</i> <i>je</i>	 <i>tílo</i> <i>wrímena</i> <i>swjêta</i>

²⁴ Из немногочисленных примеров разной трактовки ятя, приводимых Крижаничем, М. Могуш делает вывод, что Крижанич описывает не один говор, а “ovakve formulacije govore o više lingvističkih sistema jer se u jednome ne može istodobno realizirati i *tilo* i *telo*, odnosno i *pri brati* i *pri brate*. Ali kad se razmotre primjere «hervatske otmine» s refleksom *ě*, vidi se da — pored mnogih ikavskih primjera koji su obični u ikavskim i u ikavsko-ekavskim govovima — nalazimo čakavske reflekse samo u onim primjerima koji su u skladu s pravilom Meyer-Jakubinskoga” [MOGUŠ 1986: 225], с двумя исключениями: *seno* и *dlito*. И далее: “То значи да се ипак ради о опису tekstova ikavsko-ekavskih čakavaca i ostalih ikavaca”, т. е. Могуш считает, что Крижанич описывает языковое состояние, отраженное в тогдашних письменных текстах, а не устные народные говоры (хотя нам его логика не вполне ясна).

По-разному передаётся и/е/, восходящее к **ę*. Крижанич объясняет, что его “*Задунѣци изговѣрајут прѣсто Е [...] Свѣтѣь, Пѣт, Дѣвет*” [ОВ: 19]. Тем не менее, в “общем” правописании он передаётся по-разному²⁵ (см. табл. 12).

Таблица 12

		“Исказание”		“Объяснение”		“Политика”	
<i>e < *ę</i>	<i>e</i>	<i>tѣжко</i>	<i>я</i>	<i>изтяжѣнја</i>	<i>e</i>	<i>tѣžki</i>	
		<i>језѣк</i>		<i>јязѣк</i>	<i>a</i>	<i>iazik</i>	
		<i>почѣток</i>		<i>почѣток</i>		<i>poczátók</i>	
		<i>держѣт</i>			<i>ia</i>	<i>deržiât</i>	

3.7. В итоге система гласных предстаёт в следующем виде (табл. 13).

Таблица 13

<i>i ĭ</i>		<i>u ŭ</i>
<i>e ě</i>	[<i>ə ə̃</i>]	<i>o ō</i>
	<i>a ā</i>	

²⁵ М. Могуш пишет, что, помимо примеров с ожидаемым переходом *ę > e* (например, *govedina, knez, meso, sveti, deset, pleme* и т. д.), “*Križanić navodi također primjere jaziki, zajac, načalo, začalo s čakavskim prijelazom je-, čę- > ja, ča, ali ne žę > ža jer ima žetva*” [Могуш 1986: 225], из чего делается вывод, что такие переходы были свойственны описываемому диалекту. Увы, ни один из последних примеров нельзя считать надёжным, так как у Крижанича пример *јазѣки* приводится под указанием “*Всѣ попраѣи сѣце*”, т. е. в качестве неправильного употребления (или написания): “*Поразѣл јазѣки (:или паче, нѣрѣди, или нарѣде:) вноѣже*” [ГИ: 21], которое он тут же и исправляет. Во всех остальных случаях Крижанич пишет исключительно *језѣки, језѣкех* и т. д. Слово *zajac* в его текстах вообще, видимо, отсутствует (!). Что касается *načalo, začalo*, то они действительно встречаются несколько раз, но, как правило, в контекстах вроде: “*Злѣ пак се творѣт Диѣнна на Ло [...] кѣт, Зачѣло, Начѣло, Порѣкло. Реѣй, Почѣток, Зачѣтје, Начѣтѣе*” [ГИ: 58], из чего опять-таки следует, что эти формы с *-ča-* он считает неправильными. Ещё пример: “*Почѣток, Зачѣло, Зачѣток. Рѣски, Почѣток, Зачѣток, Зачѣло*” [ГИ: 101]. По-видимому, нет оснований соглашаться с Могушем, что в говоре Крижанича был переход **je, *čę* в *ja, ča*.

4. Заключение

Наш анализ, несомненно, во многом повторяет предыдущие исследования. Хочется надеяться, что, опираясь на большее количество материала, мы сумели пролить свет на некоторые неучтённые детали. При этом, однако, остаётся не вполне ясным отражение у Крижанича прояснённых редуцированных, а также качество призвуков перед слоговыми сонантами.

Литература

ДЫБО 1968

Дыбо В. А., "Акцентология и словообразование в славянском", в: *Славянское языкознание. VI международный съезд славистов (Прага, август 1968 г.). Доклады советской делегации*, Москва, 148–224

ЗАПОЛЬСКАЯ 2003

Запольская Н. Н., "Общий" славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии, Москва.

ОСЛОН 2011

Ослон М. В., "Закон Крижанича: доводы против теории «правостороннего дрейфа»", в: E. STADNIK-HOLZER (Hrsg.), *Baltische und slavische Prosodie. International Workshop on Balto-Slavic accentology*, IV (Scheibbs, 2.–4. Juli 2008), *Scheibbs Internationaler Sprachhistorische Tage*, I, Frankfurt am Main, 99–131

ПЕЦО 1981

Пецо А., "Крижанићеви погледи на српскохрватски језик и његове дијалекте", *Јужнословенски филолог*, XXXVII, 151–177

BORYŚ 1983

BORYŚ W., "Juraj Križanić i język chorwacki", *Pamiętnik Słowiański*, XXXIII, 49.

HEANEY 1975

HEANEY M., "The sources of early Križanica", *Oxford Slavonic Papers*, VII, 101–136

HRASTE 1963

HRASTE M., "Prinosi poznavanju hrvatskosrpskoga jezika J. Križanića", *Radovi zavoda za slavensku filologiju*, 5, 25–34

MOGUŠ 1986

MOGUŠ M., "Križanićeve fonološke napomene o «hervatskoj otmini»", *Filologija*, 14, 223–231

OSLON 2012

OSLON M., "Über den Silbenakzent in Juraj Križanićs Dialekt", *Slověne*, 2 (в печати).

TEŽAK 1990

TEŽAK S. "Hrvatske riječi u Križanićevim tekstovima i današnji ribnički govor", u: R. FILIPOVIĆ (ur.), *Križanićev doprinos slavenskoj filologiji: Znanstveni skup u povodu 300. obljetnice smrti Jurja Križanića (1683–1983): zbornik radova*, 3, Zagreb, 193–207

VONČINA 1990

VONČINA J. "Juraj Križanić i jezik ozaljskoga kruga", u: R. FILIPOVIĆ (ur.), *Križanićev doprinos slavenskoj filologiji: Znanstveni skup u povodu 300. obljetnice smrti Jurja Križanića (1683–1983): zbornik radova*, 3, Zagreb, 209–212

GI ("Исказание")

Бодянский О. (изд.), *Грамматично изказање об руском језику пона Јурка Крижаница*, Москва, 1859.

OV ("Объяснение")

KRIŽANIĆ J. *Objasnenje vivođno*, priredio i uvodnu raspravu napisao J. НАММ, Zagreb, 1983.

ПОЛ. ("Политика")

Крижанич Ю. *Политика*, Москва, 1965 (цифры указывают страницы рукописи).

Ослон Михаил Владимирович, к.ф.н.
119334 Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт славяноведения РАН
Russia/Россия
neoakut@gmail.com